

ЖЕНЩИНЫ ПОНЯЛИ ВИАНА ГОРАЗДО ЛУЧШЕ

В Москве прошли Дни французского писателя, а в Петербурге издали книгу его alter ego

Алексей Мокроусов
(«Огонек»)

Труба

НЕ В СИЛАХ отрешиться от привычки искать всему параллели и подобия, так и хочется зарифмовать французза Бориса Виана с русским Геннадием Шпаликовым.

Натяжки видны невооруженным глазом.

Если и был Шпаликов эхом, то эхом явно запоздалым: расцвет его пришелся на 60-е, Виан же умер от сердечного приступа в 59-м в возрасте 39 лет.

И потом. Шпаликов не занимался живописью, не записывал диски и вряд ли любил театр. А уж что российские Жан-Соль Партры с ним вплотную не общались, каждому и без объяснений понятно. С сомнением относятся расейские мыслители к представителям творческой интеллигенции. Видя в них шутов скорее, несерьезных таких мальчишек и девчонок, нежели равных среди равных.

Не таковы французы.

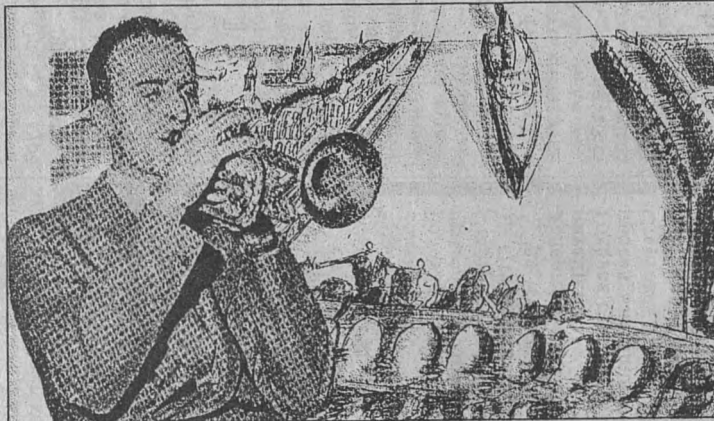
Экзистенциалисты обожали Виана (к слову, после войны Сартр не чурался писать тексты песен для Жюльет Греко — а та знай себе пела их, и не на философском конгрессе, а в кафе). Обожала его и молодежь.

Но есть все-таки что-то общее — наверное, в характере этих людей. В том, как они притягивали к себе окружающих. В том, что оба были — каждый по-своему — символом своего десятилетия. По крайней мере создали песни, ставшие для многих гимном времени.

Виан сегодня фигура классическая. Его проходят в гимназиях и университетах. В библиотеках полка собственных его книг соответствует полка томов, ему посвященных. Число «виановских» диссертаций перевалило за пятьдесят.

О Шпаликове диссертаций, по моему, еще не пишут. Но тема «Сюрреалистические элементы в романах Бориса Виана» находит свое продолжение в фильмах Шпаликова. В «Заставе Ильича» молодой герой встречается вдруг с отцом, погибшим в 41-м, разговаривает с ним в блиндаже среди спящих солдат — чем не Бунюэль?

Но есть последнее, решающее

Виан играет на трубе. Сугуба... Коллаж из журнала «Magazine littéraire»

Как известно, Виан любил играть на трубе. Вот фотография. 1947-й год. А может быть, и раньше. В этом же году (а может, и не в этом) Виан напишет свой самый знаменитый (но не самый лучший) роман — «Пену дней». И бросит трубу: сердце больное.

Критики роман не понимают (уж больно их Вернон Салливан раздражает).

Через 15 лет (а может, не 15) выходит первая биография Виана.

Через 24 года Эдисон Денисов создает оперу «Пена дней». Сама книга выходит на русском еще два года спустя. На какое-то время писатель становится кумиром Москвы и Ленинграда. А оперу поставили лишь в 86-м, да и то в Париже.

После чего пройдет семь лет, и в Москве (где Виан не был) французское посольство вместе с издательством имени Сабашниковых... Впрочем, он уже об этом не узнает.

обстоятельство, разделяющее наших героев непреходимой границей, — это книги. На родине Шпаликова вышла всего одна, да и та в застое. Между тем Виан издавался в России уже пять раз.

Вот теперь и доказывай, что мы не интернационалисты.

Вообще-то «Женщинам не понять» принадлежит не Виану, но Вернону Салливану — его странному двойнику, озабоченному сексом и балдеющему от собственных описаний убийств. Как раз Салливану, псевдониму-двойнику, человеку-оболочке, и принадлежит сегодня первое место среди французских авторов, издаваемых в России. В этом нет ничего удивительного.

«Крутой детектив», в жанре которого он работал, еще не окончательно навяз в зубах нашей склонной к сентиментальности публики.

К тому же у Виана есть ряд собственных только ему деталей, — о которых так и хочется почитать в комментариях. Но комментарии к детективам пока что не пишут (а если и пишут, то не издадут). Вот отчего придется лишь обозначить две темы, столь Салливану близкие, и упокоиться на этом с миром.

Во-первых, как тяжело быть негром. Или если уж и не быть им «вчистую», то чувствовать в себе «черную» кровь.

У Салливана многое на этом построено. Начиная с самого знаменитого романа, открывавшего серию («Я приду плюнуть на ваши могилы»), где герой мстит всем бледнолицым за безвременную кончину своего младшего братика — более очевидного метиса, чем сам герой.

В следующем романе, «У всех мертвых одинаковая кожа», герой мочит всех только за то, что его

брат-негр грозит рассказать о генеалогии родственника. Генеалогии тесно переплетаются с гени- талиями, и книга может с легкостью послужить учебником по суровому сексу для начинающих кретинов. Ибо совершенно всерьез воспринимать эти явно пародийные творения не стоит, что бы там ни писала критика о связях Салливана с Фолкнером (впрочем, они очевидны) и как бы ни склоняла в связи с этим «Святыни». Все же ценим мы книжку не за это. Но прочитав «об этом» хотелось бы.

Как хочется увидеть и текстик — небольшой такой, на полстранички, о джазовости Виана и о том, как страсть его к трубе в прозе его же и вылезла. А что? Здесь все время говорят о джазе, о том, кто более велик: белые или негры? Расисты доказывают, что белые — и получают за это пули в лоб.

Из переводчиков сборника лишь Ольга Волчек («А потом всех уро- дов убрать») и «Женщинам не понять» могла бы претендовать на премию за лучший перевод. Оба «мужских» перевода, Георгия Сергеева («Я приду плюнуть...») и Валерия Кислова («У всех мертвых...»), не были бы допущены в таком конкурсе (к счастью, его нет и в помине) даже к отборочному туру. А чего стоят переводы заглав- ный! Чувство ритма требует в титул «Я приду плюнуть...» вставить «чтобы» — равно как (еще одна вкусовая штука) приличия не позволяют переводить идиоматиче- ские выражения буквально: «У всех мертвых одинаковая кожа» — что за наречие, создатель? Мне ближе к сердцу перевод издательства имени Сабашниковых: «Мертвые все одного цвета».

Цитирование же самих текстов оставим читателям. В конце концов трудно пройти мимо автора, кото- рого вся наша страна любит со- гласно закону, им самим и описы- ванному: «Вы ведь знаете, конечно, что всегда чувствуешь благодарность к тому, кто возится с тобой, когда ты с похмелья...»

«Я приду плюнуть...», страница восьмидесяти три.

Нет, не так.

«Я приду, чтобы...»

Салливан В. (Виан Б.) Женщи- нам не понять. Романы/Пер. с французского. — СПб. Северо-За- пад. 1993. — 479 с.